

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.133.1'367
ББК ШП47.11-22

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19; 10.02.05

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА ПАРЦЕЛЛЯЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья представляет собой обзор работ французских лингвистов, посвященных проблеме парцелляции. Автор выделяет два этапа развития теории парцелляции: этап становления (40—60-е годы XX века) и современный этап (с 2000 года). Во время первого этапа были зафиксированы случаи парцелляции, введены понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллятный стиль» (*style parcellaire*), которые впоследствии уступили место другой терминологии. Парцелляция связывалась на этом этапе с проникновением в письменный язык элементов разговорной речи, часто рассматривалась как стилистически негативный процесс. На втором этапе французские исследователи проявляют активный интерес к синтаксису, морфологии, семантическим и прагматическим особенностям парцелляции. Наибольший интерес вызывают безглагольные парцелляты — части простого предложения (субстантивные, адъективные, аппозитивные), обсуждаются периферийные случаи с целью выявления «таксономической границы» «добавление» / «не добавление». Парцеллят воспринимается как структура, добавленная к основной части (отсюда термины «добавление после точки» и — для обозначения основы конструкции — «принимающая часть»), а не как результат расчленения единого целого, как это трактуется в отечественной лингвистике. Наиболее значимой, с точки зрения автора, является разработка теории парцелляции в когнитивно-семиотическом аспекте. Точка парцелляции при таком подходе рассматривается как сигнал, говорящий о необходимости произвести определенные операции по переработке информации для понимания глобального смысла текста, для облегчения его когнитивной обработки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парцелляция; французский язык; синтаксис французского языка; стилистика; психолингвистика; когнитивная лингвистика; лингвосемиотика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Богоявленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 465; e-mail: jvbog@yandex.ru.

Изучение парцелляции в отечественной лингвистике началось в 60-х гг. XX в. Были предприняты глубокие и многоаспектные исследования особенностей данного феномена как на материале русского языка, так и на материале других языков. Это обусловило, с одной стороны, значительное развитие этой теории, постоянно обогащающейся данными, полученными на материале разноструктурных языков, а с другой стороны, обозначило появление многих дискуссионных вопросов, так и не нашедших к данному моменту однозначного решения. Особенно сильно развития российской теории парцелляции является изолированность от европейских и американских исследований. Поэтому, как мы полагаем, есть несколько причин.

Во-первых, серьезным препятствием для распространения научного знания о парцелляции стала терминологическая разногласия, во-вторых, отсутствие полного тождества в объеме и содержании понятий, используемых в тех или иных национальных лингвистических традициях. В российском научном обиходе установился термин «парцелляция» (крайне редко в этом значении встречается «присоединение» или другие терминологические наименования), в современных франкоязычных научных работах фигурируют термины *ajout après le point* (добавление после точки), *annexe* (приложение) или *addition* (добавление) / *construction en annexe* (добавочная конструкция) и другие. В англоязычных исследованиях мы зафиксировали использование иной терминологии:

fragmentary sentence (предложение, расчлененное на фрагменты) / *sentence fragmentation* (фрагментация предложения) / *sentence fragment* или *fragment of sentence* (фрагмент предложения).

Проблемы изолированного развития теорий феномена парцелляции и расхождения в используемой терминологии привели к тому, что научные дискуссии по проблемам парцелляции в зарубежной лингвистике не получили должного отражения в трудах российских исследователей, ее достижения не учитывались при построении концепций и подходов, разрабатываемых в отечественной лингвистике.

Этот факт побудил нас обратиться к подробному анализу достижений, полученных в рамках зарубежных национальных лингвистик. Целью настоящего обзора является освещение исследований парцелляции во французской лингвистике.

Изучение работ французских лингвистов позволяет выделить две волны научного интереса к парцелляции. Первые упоминания о парцелляции относятся к 40-м гг. XX в., активно она начала изучаться в 50—60-е гг. XX в.

В исследовании «История одного языка: французский» М. Коэн описывает зафиксированные им случаи расчленения сложных предложений и вынос за точку некоторых частей предложения: частей сложного предложения, а также фразового дополнения или наречия [Cohen 1973: 397]. М. Коэн отмечает недавнее появление этого приема [Cohen

1966: 234] и связывает его с изменениями в интонации, происходящими в современном французском языке: «Очень частотный в современной письменной речи, как в газетах, так и литературе, и, видимо, являющийся следствием изменений, происходящих в интонации французского языка, этот прием все чаще применяется в сложных предложениях с подчинительными относительными и обстоятельственными придаточными: *C'est une calomnie indigne. Qui ne restera pas impunie. Il s'est mis à employer des imparfaits du subjonctif à tort et à travers. Pour ne pas avoir l'air d'être un ignorant*» [Cohen 1966: 48; Cohen 1969: 48] (здесь и далее перевод наш. — Ю. Б.).

Французский ученый подчеркивает, что данные структуры заслуживают широкого изучения, так как они представляют собой гораздо более значительное явление, чем это кажется на первый взгляд, поскольку оно затрагивает традиционное понятие логической организации фразы. Ученый ввел понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллирующий стиль» (*style parcellaire*), которые, однако, не закрепились в научном обиходе, уступив впоследствии место иной терминологии.

Ж. Антуан пишет о том, что французский язык, стремясь к простоте и непринужденности, ищет новые формы литературного изложения, в основе которых — систематическое введение элементов разговорной речи [Antoine 1962]. Одной из таких новых форм является то явление, которое мы подразумеваем под парцеллированной конструкцией. Ж. Дюбуа отмечает частотность употребления этой конструкции и делает попытку социологического истолкования данного факта [Dubois 1961: 63—66].

Некоторые французские ученые, обращавшиеся к анализу парцелляции в 40—60-е гг. XX в., негативно оценивали ее применение в письменной речи, пренебрежительно рассматривали это явление как маргинальное и связывали со стилистическими эффектами. Р. Жоржен видит в парцелляции средство для максимального выделения деталей и дезартикуляции основной части, но осуждает его использование, называет факт дробления фразы «смешным, вычурным стилем» (*style poinilliste, papillotant*), расценивая его как негативный стилистический процесс [Georgin 1956: 205—208]. А. Доза также подчеркивает, что помещение придаточного предложения после точки выглядит искусственно, и называет этот прием «пунктуационным трюком» (*trucage de ponctuation*). Как и М. Коэн [Cohen 1966: 228, 232—234], он относит его к особенностям авторского стиля [Dauzat 1943: 234]. Факт вынесения важных

элементов в конец предложения связывался французскими лингвистами с влиянием разговорной речи, где позиции слов гораздо подвижнее (см., например: [Bar 1958]).

В 1970—1990-е гг. интерес к парцелляции несколько спадает, появляются лишь отдельные работы, рассматривающие парцелляцию в рамках обособления. В своей диссертации С. Тюше пишет о парцелляции как об «усиленном обособлении» (*détachement fort*) [Tuchais 1996]. Тот же подход мы зафиксировали в статье Б. Комбетта [Combettes 1992]. Лингвисты сходятся в том, что парцелляция репрезентирует «новый стиль» в литературе [Ballard 1995: 150].

После значительного временного прерыва новая волна научного интереса к данному феномену поднялась только в 2000-е гг. Парцелляция стала исследоваться то в контексте фрагментации текста, то как вид обособления, то как добавление, восходящее к риторической фигуре гипербатона, широко используемого в классической литературе [Noailly 2002; Havu 2011, 2013; Gautier 2006, 2010a, b; Combettes 2007a, b; Combettes 2011a и др.].

Преимущественно негативное отношение, характерное для середины XX в., сменилось острым интересом к парцелляции, ее пониманием как одного из ярких явлений синтаксиса современного французского языка. Внимание исследователей вызвали различные аспекты ее структуры, семантики и функционирования в тексте, что отразилось в десятках статей, коллективных монографиях и специализированных международных коллоквиумах, семинарах и конференциях, наиболее известными из которых являются:

1) «Фрагментированные сегменты во французском языке» (*Les séquences fragmentaires en français*), исследовательский семинар, Брюссель, 30—31 мая 2011;

2) «Лингвистики обособления» (*Les linguistiques du détachement*), международный коллоквиум, Нанси, 7—9 июня 2006;

3) «Фигура добавления: фраза, текст, письменная речь» (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), коллективная монография (Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002);

4) «Эллипсис и фрагмент» (*Ellipse et fragment — Morceaux choisis*), выпуск научного журнала (Bruxelles: Peter Lang, 2013);

5) «Гипербатон. На границах фразы» (*L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase*), конференция, организованная Высшей национальной школой, 9—10 июня 2010 (Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011).

На современном этапе развития соответствующей теории для обозначения сег-

мента, вынесенного за точку, чаще всего используется термин «добавление после точки» — «*ajout après le point*» (в вариантах *ajout après un point* и *ajouts après point*), под которым понимаются собственно парцелляты — «синтаксические конститuenty, зависящие от предыдущей фразы» [Курумсуян 2009: 318], «элементы, которые дополняют после точки высказывание, которое казалось законченным» [Combettes 2007a: 111].

Однако нельзя утверждать, что этот термин прочно устоялся в научном обиходе. Исследователи, находясь в активных поисках адекватных для описания терминов, вынуждены обращаться к «проблеме метаязыка» [Gautier 2006: 294]. Конкурентами *добавления после точки* выступают *графически изолированный сегмент* (*segment graphique isolé*), *обособленная точкой конструкция* (*construction détachée par un point*), *графический блок* (*block graphique*) [Bosredon, Tamba-Mecz 2003], *обособленный сильной пунктуацией отрезок* (*séquence détachée par une ponctuation forte*) [Havu 2013], *прибавление* (*addition*), *приложение* (*annexe*) [Gautier 2006; 2010a, b], *фрагментированный отрывок* (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян 2013] и т. д.

Рассуждая о значении терминов «добавление» и «обособление», Ф. Неве совершенно справедливо замечает: «Экспликативные понятия „прибавление“ (*addition*) или „добавление“ (*ajout*), с одной стороны, „обособление“ (*détachement*), с другой, часто ассоциируемые в анализе, предполагают на самом деле радикально различные намерения. Обособление в строгом смысле слова предполагает выход за пропозициональную рамку, т. е. внутреннюю, а значит и локальную точку наблюдения. Прибавление и добавление предполагают вход в эту рамку и, следовательно, внешнюю и глобальную точку наблюдения» [Neveu 2003: 12]. Дескриптивный термин не удовлетворяет некоторых исследователей. В последних работах Б. Комбетта переходит от *добавления после точки* к терминологическому дублету *фрагмент после точки* (*fragment après le point*), лучше, на его взгляд, отражающему суть данного явления [Combettes 2012a, 2012b, 2013], А. Кьюмкьюян — к *фрагментированному отрезку* (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян 2013] и т. д.

В работах либо вовсе отсутствует номинация основной (базовой) части конструкции, либо используются разнообразные наименования, имеющие индивидуально-авторский характер. Их применение ограничено порой одной научной работой: *сегмент-источник* (*segment source*) [Combettes,

Курумсуян 2010], *принимаящая фраза* (*phrase d'accueil*) и *исходная фраза* (*phrase de départ*) [Combettes 2007a], *фраза-источник* (*phrase source*) [Combettes 2013], *матричная структура* (*structure matrice*) [Combettes, Курумсуян 2010], *матричная база* (*base matrice*), *матричная фраза* (*phrase matrice*), *рамочная структура* (*structure cadre*) [Gautier 2006].

Термин «парцелляция», широко применяемый в российской научной литературе для обозначения самого феномена расчленения структуры предложения на составные части, не имеет эквивалента во французской лингвистике.

На наш взгляд, терминологический разноречивый, связанный с обозначением одного и того же явления, косвенно свидетельствует о его недостаточной изученности. Данный феномен только недавно оказался в центре внимания лингвистов, отказавшихся от более ранней терминологии. Процесс «складывания» данной терминосистемы безусловно свидетельствует о стремлении ученых постичь сущность и свойства исследуемого объекта, дать ему адекватное наименование.

В настоящее время наметилось два направления исследований «добавлений после точки». Первое связано с рассмотрением феномена «добавления» во всем разнообразии его проявлений, т. е. в границах как простого, так и сложного предложения (работы Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, М. Ноайи, А. Готье и др.), или в целом феномена добавления. Второе — с изучением отдельных видов «добавления», как правило, беспредложных субстантивов или адъективов. В этом случае «добавление после точки» вписывается в более широкий контекст «безглагольной фразы (сегмента/высказывания)» или «фрагментированного сегмента (структуры)», которые выступают гиперонимами по отношению к «добавлению» или противопоставляются ему. Большое внимание в таких работах обращается на выявление границ между «добавлением» и другими видами безглагольной фразы.

Важным этапом в развитии теории «добавления после точки» стала коллективная монография 2002 г. «Фигуры добавления: фраза, текст, стиль» (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), объединившая разноаспектные исследования широко трактуемого феномена добавления: от выделенного точкой «добавления» до расширения структуры предложения за счет однородных «добавлений», связанных сочинительной связью. Главные редакторы и рецензент монографии пишут: «Добавление, будучи второстепенным по отношению к базе движением,

является местом *рефлексивного раздвоения* фигуры говорящего [Authier-Revuz, Lala 2002: 10], который «берет дистанцию, оценивает, уточняет, поправляет свою речь в соответствии с динамикой испытываемых чувств, более или менее контролируемых или контролирующих» [Bordas 2005: 161].

В первой части монографии мы бы отметили статью П. М. де Биези, А. Х. Пьерро и Ж. Неф «Добавление и генезис», в которой выделяются два типа добавлений: «графические» и «генетические». Во второй части «Пересечение точек зрения: прагматической, дискурсивной, процессуальной» значимым разделом стала статья Ф. Сиркюрель, которая, основываясь на трудах Ж. Женетта, определяет функцию добавления не только как «крепление» предложения, но и как «место нюанса», поправки, «место свободы прочтения» [Cicurel 2002: 63]. Текстуальность, которую оно открывает, заключается, как считает автор, в «способности играть с перспективой» [Cicurel 2002: 63]. Е. Орланди в статье «Точка — это все. Интердискурс, неполнота, текстуализация» работает с пунктуацией, рассматривает «добавление» как «след стратификации», как «дискурсивный уплотнитель» (вслед за Фуко и Пеше), «разбивающийся о текстовую линейность как напоминание о рубце на лоне текстуализации дискурса» [Orlandi 2002: 49]. Б. Н. Грюниг изучает «добавления» до и после «базы», указывает на то, что процесс создания «добавления» и его интерпретация — два разных процесса, приводящие к разным результатам [Grunig 2002: 79—93].

Третья часть носит название «Добавление во фразе: вопросы грамматики». Добавление здесь рассматривается как «форма разрешения напряжения между линейностью и дискурсивной памятью» [Badiou-Monferran 2002: 97]. Автор исследует синтаксическую однородность и неоднородность сочиненных добавлений, понимая под сочинением «диалектическую форму добавления, которая вызывает нечто другое, чтобы лучшим образом разместить его в соответствии с общим топиком, в том же плане» [Badiou-Monferran 2002: 106]. «Связывать сочинительной связью — это не добавлять то же самое, это добавить что-то другое либо добавить кого-то Другого» [Badiou-Monferran 2002: 109]. Добавление и проблематика приложения — тема статьи Ф. Нева. С. Бушрон-Петийон исследует добавление, графически выделенное скобками или тире. Одна из основополагающих публикаций, без цитирования которой не обходится практически ни одно исследование «добавлений после точки» — работа М. Ноайи «Добавле-

ние после точки всего лишь графический прием?», в которой автор представляет синтаксическую классификацию графически изолированных «добавлений», впервые формулирует критерий идентификации этой конструкции и исследует как стилистический ресурс. Автор приходит к выводу, что эти структуры часто сигнализируют об изменении точки зрения и напоминают поток сознания и внутреннего монолога [Noailly 2002].

Ключевыми работами, предопределившими дальнейшие научные изыскания в этой области, стали также многочисленные статьи Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, Б. Босредона, И. Тамба-Мекс, А. Готье и других лингвистов.

На современном этапе развития французской лингвистики можно выделить несколько взаимодополняющих, развивающихся подходов к исследованию данного феномена, рассматривающих представляющие его единицы его как объекты синтаксиса, лингвистики текста, стилистики, идиостилистических исследований, лингвопоэтики, психолингвистики, прагматики, лингвосемиотики, лингвокогнитологии, исследований дискурса.

Начнем обзор с анализа работ, посвященных синтаксису парцеллированной конструкции.

Синтаксические особенности «добавления после точки» достаточно хорошо исследованы и представлены в работах М. Ноайи, Б. Комбетт, А. Готье, Е. Авю, Ф. Лефевр и других лингвистов.

Б. Комбетт пишет, что морфосинтаксический анализ «добавления после точки» должен базироваться на характеристиках его форм и функций. Что касается основной части конструкции, то она «не вызывает особого интереса с синтаксической точки зрения», так как это может быть предложение любого типа: повествовательное, восклицательное, вопросительное; определено-личное и неопределенно-личное; с глаголом в пассивном залоге, с выделительной конструкцией и т. д. «Любая единица, расположенная после глагола, может использоваться в качестве добавления, даже вместе с другими компонентами, расположенными справа, в том числе абсолютные конструкции», — пишет Б. Комбетт [Combettes 2007a: 114]. С точки зрения синтаксиса в «добавлении» может быть представлена «вся гамма отношений зависимости» [Combettes 2007a: 121]. При этом автором отмечается, что предложные, беспредложные обстоятельства и обстоятельственные придаточные «в конечном счете эксплицируют автономность, которая подтверждается как в синтак-

сическом, так и в семантическом и прагматическом планах», поэтому они проявляют высокую способность к отчленению [Combettes 2007b: 124].

А. Готье в описании типов «добавочных конструкций» опирается на морфосинтаксический принцип. В конструкциях могут быть представлены «большинство синтагматических типов: номинативные синтагмы, адъективные, предложные, адвербиальные. Также часто встречаются придаточные различных видов» [Gautier 2010a: 7—8].

Продуктивной представляется предложение автора построить синтаксическую классификацию добавочных конструкций по двум параметрам:

- разрыв супрасинтагматических отношений: между подлежащим и сказуемым (крайне редкие случаи, встречающиеся исключительно в художественной литературе; выглядят как эксперименты), а также изоляция предложных и беспредложных обстоятельств и обстоятельственных придаточных;
- разрыв инфрасинтагматических отношений. Эта группа подразделяется на две подгруппы:

а) разрыв симметрических отношений, под которыми понимаются отношения между двумя элементами с бессоюзной или сочинительной связью одного иерархического уровня (однородные или неоднородные члены предложения, придаточные предложения);

б) разрыв асимметрических отношений, в результате которого за графическую рамку выводится компонент — носитель маркеров зависимости от главного слова, расположенного в этой рамке. Речь идет о дополнениях, обособленных определениях, выраженных как существительными с предлогом, так и прилагательными, относительных придаточных, обстоятельствах, выраженных наречиями и существительными с предлогом, а также некоторых видах придаточных, зависимых от глагола, типа *Je sais que toute la journée je peux appeler Hélène, Jean-Marc, Damien, Catherine, Capucine, pour savoir. Si ça va* (Angot, 2002) (Цит. по: [Gautier 2010a: 8—12]).

«Добавление после точки» анализируется и с позиции синтаксической предикативности. Б. Делорм и Ф. Лефевр сосредотачивают свое внимание на неравномерных способностях выражения предикативности адъективными сегментами после точки. Выделяются сегменты с вторичной предикативностью (в этом случае их можно считать «добавлением после точки») и с автономной предикативностью (самостоятельные предложения) [Delorme, Lefevre 2004].

Иной подход предлагают Б. Босредон и И. Тамба-Мекс. Положив в основу своей классификации синтаксический принцип, лингвисты выделяют следующие группы графически изолированных сегментов.

1. Управляемые моносегментные структуры — эндоцентрические конструкции, включающие маркер внутрифразового (предлог) или межфразового (союз) управления. С синтактико-семантической точки зрения данные структуры легко интегрируются в предыдущее предложение.

2. Моносегментные структуры, построенные по принципу обособленных запятой или двоеточием конструкций. Эти структуры включают «синтаксически периферийные компоненты» — «аппозитивные обособления» [Neveu 2000], характеризующиеся относительной свободой расположения, вторичной предикативностью, синтаксической и референциальной зависимостью от существительного в основной части [Bosredon, Tamba 2003: 29].

Б. Босредон и И. Тамба-Мекс считают, что рассматриваемые сегменты «представляют собой некоторые „аномалии“ по отношению к каноническим моделям фраз, которые предлагают грамматические или лингвистические теории» [Bosredon, Tamba 2003: 28]. Для М. Ноайи «аномалия» заключается в том, что вместо запятой стоит «синтаксически неоправданная» точка [Noailly 2002: 133]. Однако А. Кьюмкьюан призывает воздержаться от их отнесения к «аномалиям», даже если они противоречат нормативным представлениям о пунктуации, так как «благодаря этим намеренным отклонениям узус, анархический либо незаконный, если можно так выразиться, но совершенно точно интенциональный, придает точке значительное разнообразие эффектов, которое контрастирует с бедностью школьных прескрипций» [Kuyumcuyan 2009a: 319].

В ряде случаев «добавление после точки» рассматривается как одно из явлений, свидетельствующих о деконденсации, т. е. ослаблении связей в предложении [Tuchais 1996; Combettes 2011], об изменениях в структуре высказывания, ее реорганизации, свойственной многим современным языкам [Combettes 2011: 24—29].

Исследуя графически изолированные «добавления после точки», находящиеся в аппозитивных отношениях с именем существительным в основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан подразделяют их на три группы:

1) добавления — точные повторы (*ajouts en reprise fidèle*). Данная группа представляет собой развернутые лексические повторы,

например: *On eût dit que le silence s'était fait à l'intérieur. Un silence lourd d'angoisse (Le Port des brumes)*;

2) добавления — неполные повторы (*ajouts en reprise infidèle*). Анализ референциальной семантики позволил авторам установить, что практически во всех случаях речь идет о переходе от гиперонима в основной части к гипониму в «добавлении», что позволяет рассмотреть этот тип как случай неполной анафоры (*anaphore infidèle*): *Les mêmes jeunes gens étaient là. Non seulement les reporters, mais les chroniqueurs (La Danseuse du Gai-Moulin)*;

3) добавления с пропозициональным содержанием (*ajouts à contenu propositionnel*) — многочисленная группа, представленная с морфосинтаксической точки зрения инфинитивами и отглагольными формами, в том числе абсолютными причастными конструкциями: *Il y a des opérations très simples en apparence qui sont pratiquement impossibles. Par exemple rechercher l'homme qui s'était volatilisé soudain derrière la villa du maire! (Le Port des brumes)* [Combettes, Kuyumcuyan 2010a: 11—17].

В другой работе авторы отмечают также, что важно исследовать коммуникативный аспект конструкции, ее темо-рематическую организацию. Именно в области распределения коммуникативного динамизма «наблюдаются наибольшие последствия от операции членения». Наиболее эксплицитна рематизация, как считают авторы, в «добавлениях» с предложными обстоятельствами, но значительно менее выражена в «добавлениях», поддерживающих бессоюзную связь с главным предложением [Combettes, Kuyumcuyan 2007: 111—134].

Несмотря на высокую ценность синтаксических исследований, сконцентрированных на структуре и семантике конструкций, очевидно, что вскрыть ее сущность и характер функционирования невозможно, оставаясь только на уровне микросинтаксиса, без обращения к более сложной единице, чем предложение — к тексту.

Точка, отделяющая «добавление» от основной части, является откликом на различные функциональные потребности, инвентарь которых находится в центре внимания целого ряда лингвистов. А. Кьюмкьюян пишет о том, что точка — маркер текстового уровня, изучение которого позволяет лучше понять механизмы построения текста, поэтому изучать «экстрафрастический перенос» (*rejet extraphrastique*) необходимо с позиций грамматики текста. Опираясь на корпус «добавлений после точки», представляющих собой дополнения различного типа

(дополнения к глаголу, именам существительному, прилагательному и фразовые дополнения), «гетерогенные с морфосинтаксической точки зрения», лингвист исследует «текстуальный аспект феномена» (*aspect textuel du phénomène*), а именно «дискурсивное», «„интерактивное“ отношение» (*relation discursive, interactive*), определяемое автором как «дискурсивное отношение» — «аргументативное в широком смысле, охватывающее в том числе и контраргументативные движения» [Kuyumcuyan 2009: 320]. Автор выявляет три типа этого отношения: координация, повторная формулировка/иллюстрация, уступка/утверждение.

Исследователь справедливо отмечает массовое использование «добавления после точки» в текстах прессы, объясняя этот факт способностью «текстового построения точки зрения», проявления субъективности, «последствия от которой в выполнении межличностной функции проявляются в терминах эмпатии» [Kuyumcuyan 2009: 319—320].

Исследуя субстантивные сегменты, заключенные в точки, на материале текстов художественной литературы и публицистики, Е. Авио приходит к выводу, что их следует рассматривать как стратегию построения текста. Для их интерпретации, считает исследователь, необходимо обращаться к предыдущему контексту (т. е. «левой части»). Учет синтаксико-семантических и прагматических особенностей сегментов, отобранных из газетных текстов, приводит лингвиста к построению следующей классификации:

– собственно «добавления» в узком смысле, проявляющие высокую степень синтаксической и семантической зависимости от «левого контекста». Эту группу наполняют «обязательные и периферийные дополнения» (т. е. дополнения и обстоятельства) и симметричные сегменты (однородные и неоднородные члены предложения);

– уточнение/объяснение, синтаксическая зависимость которых значительно ниже при сохранении семантической зависимости. В эту группу включены адъективные сегменты, которые при снятии точки требуют обособления запятой;

– группа сегментов, которые синтаксически не зависят от «левого контекста»: комментарий, описание и наррация, опора которых на контекст характеризуется как семантико-прагматическая.

При обращении к материалу художественной литературы автор констатирует большее разнообразие сегментов, на его взгляд, связанное с «многоголосием» литературного текста; их классификация выглядит сложнее. К «чистым добавлениям» при-

мыкают «добавление»-комментарий (ajout-commentaire) и «добавление»-мостик (ajout-pivot). К уточнению/объяснению примыкает подгруппа со сложным названием «уточнение-реприза-фокализация-мостик». Наполнение групп «комментарий», «описание» и «наррация» остается прежним.

Е. Авю заключает, что вне зависимости от корпуса данные сегменты могут рассматриваться «как стратегии, структурирующие текст, и особенно как вводящие в форму разрыва диалогический аспект (вмешательство журналиста или нарратора)» [Navu 2013: 67—79].

Обращаясь к анализу «добавлений после точки», имеющих «аргументативную антиориентацию», т. е. выражающих опровержение основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюян выявляют большой потенциал конструкции в выполнении обозначенной функции в тексте [Combettes, Куумсуян 2010b: 28—30].

Несмотря на то что французские лингвисты отмечают стилистическую маркированность «добавления» и определяют его как стилистическое средство, восходящее к фигуре гипербатона [Noailly 2002; Combettes, Куумсуян 2010; Combettes 2013; Gautier 2006 и др.], исследований, направленных на выявление стилистического потенциала, практически нет. Одной из немногих работ, обращенных к стилистическому аспекту «добавления» (как определяет сам автор), является работа М. Ноайи, в которой лингвист пишет, что точка, отсоединяющая «добавление», играет «двусмысленную роль»: с одной стороны, изолирует элемент, с другой — присоединяет его к основной части, что создает прежде всего эффект обманутого ожидания, оказывается «игрой в кажущуюся завершенность» (jeu de fausse clôture). Автор отмечает, что гипербатон создается изменением порядка слов и запятой на письме, однако возможности «добавления» шире, поскольку отчленяться могут и такие элементы, которые невозможно было бы отделить только при помощи запятой. Построение речи при помощи «добавления» призвано показать паузы в размышлениях персонажей, естественный прерывистый ход мыслей, показать «полусознательную стадию» внутренней жизни. Эта «сюрпунктуация», пишет М. Ноайи, «родилась без сомнения вместе с необходимостью передать движение сознания. Весьма остроумно, что для того, чтобы передать этот поток сознания, используется знак, предназначенный для разрыва — знак точки» [Noailly 2002: 144].

Что касается стилистических ограничений использования данного приема, лингви-

стами подчеркивается, что сферами его применения являются художественная литература и пресса. Писатели и поэты в неравной степени прибегают к «добавлению после точки». Е. Авю замечает, что в ее корпусе наибольшее количество «добавлений» зафиксировано в произведениях А. Гавальда, М. Дюрас, значительно меньше у Ж. Ешеноза и практически нет их у А. Нотомб [Navu 2013: 79]. Б. Комбетт, Б. Босредон, И. Тамба-Мекс и многие другие исследователи обращаются к произведениям Ж. Сименона, богатым на «добавления». Исследователями признается, что «добавление после точки» — специфический элемент идиостиля писателя.

Б. Комбетт и А. Кьюмкьюян в статье «Интерпретативные смыслы безглагольной предикации в нарративном корпусе: субстантивные высказывания и художественная репрезентация дискурсивных и когнитивных процессов» обращаются к выявлению интерпретативных эффектов, создаваемых графически изолированными субстантивами (в том числе и отчлененными приложениями) в произведениях Ж. Сименона о комиссаре Мегрэ (1930—1972 гг.). Авторы объясняют свое обращение к этому материалу желанием доказать, что данный тип структур, к которым французские писатели «пристрастились» еще в довоенный период, является мощным ресурсом, хоть и подвергшимся сильнейшей критике со стороны «пуристов и адептов красивого стиля», но создающим «удовольствие от чтения текста» [Combettes, Куумсуян 2010a: 2]. Выбранный подход позволяет авторам выделить экзистенциальные субстантивы в дескриптивном контексте и событийные субстантивы в нарративном контексте. Первые «служат не для того, чтобы создать рисунок на фреске в его мельчайших деталях в соответствии с бальзаковской нормой, а наоборот, высветить фрагмент, обрывки, цепочки более или менее однородных образов, которые представлены таким же случайным образом в дискурсе, как это делают их референты с точки зрения актантов диегезы. Обстановка вырисовывается сцеплением различных планов, фокусов, а не панорамным видом, который давал бы читателю впечатление, что он контролирует все элементы ситуации». Этими фрагментами Ж. Сименону «удается ярко изобразить атмосферу небольшим количеством слов, которые создают образ и которым минималистичный синтаксис служит лишь экраном <...> этого достаточно, чтобы обстановка обрела смысл и ожила» [Combettes, Куумсуян 2010a: 7]. Отчлененные аппозитивы создают что-то вроде «дескриптивной паузы». Описание

связано с некоторой неподвижностью, статичностью референтов. На это семантическое свойство, которым обладают безглагольные фрагменты, указывает также и Ф. Лефевр [Lefeuve 1999: 123—124].

Основной функцией второй группы — событийных субстантивов в нарративном контексте — является «представлять информацию заднего плана», т. е. то, что видит и слышит Мегрэ, в «настолько краткой форме в дискурсе, насколько нечетко она отражается в субъективном восприятии персонажа». Такие «пассажи» создают оригинальный «эффект точки зрения, актуализирующийся именно в безглагольных фрагментах, и вызывают эмпатию читателя, который таким образом ставится в контакт с ощущением, испытываемым рассказчиком, и на место которого он себя ставит». У читателя, «погруженного в диегезу этими заимствованными ощущениями, создается максимальная иллюзия близости и вовлеченности в происходящее» [Combettes, Кууумсуан 2010а: 8].

Авторы считают, что, помимо этих когнитивных процессов произвольного характера (ощущения и восприятие информации заднего плана), данные структуры в ряде случаев представляют собой рациональную сознательную деятельность говорящего, а именно когда безглагольные фрагменты создают представление о внутренней речи персонажа, цепочке его рассуждений.

Благодаря использованию безглагольных фрагментов, которые «играют на контрасте и эффекте обманутого ожидания», «рассказ дробится и приумножается бесчисленными гранями». «Трудно не вспомнить современную эстетику джаза, так как действительно создается впечатление перенесения в другой семиотический материал, имеющий похожее стремление к изобретению достаточно гибких форм с целью преуспеть в создании иллюзии движения самого сознания. Эта эстетическая инновация, являющаяся стилистическим средством, оформляется систематическим использованием в контексте произведения всех значений данной грамматической структуры» [Combettes, Кууумсуан 2010а: 19—20].

Лингвопоэтическому анализу произведения П. Шаппиуса посвящает свою работу И. Шоль, которая исследует роль пунктуации, в том числе знака точки, отделяющей «добавление» от основной части. «Будучи фактом языка, но став стилистическим фактом, пунктуация призвана выстраивать дискурс, который прогрессирует посредством „добавлений после точки“, уточнений и реприз и который является хранилищем мно-

жества голосов, ткань которого заставляет варьировать ритмические и синтаксические отношения, оставляя в неопределенности завершенность и семантическую полноту» [Chol 2011: 139].

В статье С. Петийон «добавление после точки» трактуется как «инфрасинтагматическая конфигурация» (*configuration infrasyntagmatique*) фраз, в которых «точка не является знаком конца и в которых, наоборот, фраза — синтаксически — продолжается за пределами точки». «Добавление после точки» выступает как «проявление субъективности» (*affectation de subjectivité*), т. е. средство, позволяющее по пунктуации судить о субъективном авторском отношении к сообщаемому. Автор видит в приеме «добавления, появившиеся по желанию пишущего, играющего на демаркационной функции точки для того, чтобы выделить второстепенный сегмент» [Pétillon 2011: 30].

Анализ восприятия отчлененных компонентов представлен в работе Б. Босредона и И. Тамба-Мекс: «Вначале глаз читателя фиксирует графическое расчленение, маркированное точками и заглавной буквой. Что приводит его к изоляции сегмента, размещенного между двумя точками. Но, читая этот сегмент, читатель обнаруживает синтаксическую связь, которая бесспорно маркирует возможность интеграции сегмента в предложение, которое ему предшествует. Тогда читатель начинает осознавать, что есть некое несоответствие между графическими и синтаксическими границами предложения, которые обычно совпадают. Он признает в этом без труда расхождение двух систем организации фрагментальной единицы. И, так как пунктуация является неавтономной системой сегментации, иерархически подчиненной лексико-синтаксической конфигурации, именно синтаксическое управление будет в первую очередь направлять интерпретацию этих графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz 2003: 33].

Авторы подчеркивают, что «этот интерпретативный двухэтапный процесс, вызванный расхождением между лексико-синтаксическим и графическим расчленением, позволяет в полной мере осознать специфичность графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz 2003: 33].

Продуктивной представляется методологический подход, осуществляющийся в интеграции когнитивно-семиотического подхода и семантико-синтаксического анализа, предложенный в диссертации А. Готье. Исследователь отмечает, что в случае с парцелляцией фиксируется конфликт, в который входит пунктуация с синтаксисом и смыслом:

графически самостоятельное «добавление» обнаруживает зависимость на других уровнях (синтаксическом, семантическом, прагматическом). Финальная точка рассматривается им как семиотический маркер завершенности, «как след действия, выполненного пишущим, решившим по разным причинам поставить для себя и читателя веху в графической континуальности» [Gautier 2006: 269]. Континуальность нарушается, уступая место дисконтинуальности, понимаемой автором в духе Ж. М. Марандена и рассматриваемой им как феномен, угрожающий целостности графической фразы [Gautier 2006: 229; 293]. О разрыве «континуальности дискурсивного потока» в подобных случаях пишет и А. Кьюмкьюян [Kuyumcuyan 2009: 321].

В более поздней работе А. Готье фиксирует внимание на следующем аспекте: «С функциональной точки зрения, фразовая граница ассоциативно маркирована чаще всего финальной точкой и заглавной буквой. Для пишущего эта фразовая граница является знаком завершения коммуникативной микропрограммы; для читателя она представляет собой сигнал, что читатель может (и даже должен) произвести некоторые операции по переработке информации для построения глобального смысла текста. Ясно, что это значение тесным образом связано с означаемым самой точки и подвержено варьированию» [Gautier 2010b: 3]. И далее: «Письменная фраза больше не воспринимается как средство передачи устной фразы, но как вектор самостоятельной информации, которая обращается к мысли напрямую», для чего ей необходима адаптированная для этой задачи пунктуация. Важным является также вывод автора о том, что точка в данной конструкции «должна разделять сообщения для глаза (и мысли) для того, чтобы облегчить когнитивную обработку письменного сообщения» [Gautier 2010b: 3—4].

М. Фейоль в своей работе «От идей к тексту, когнитивная психология словесного произведения, устного и письменного» утверждает, что сигнал конца фразы влечет за собой уплотнение (*compactage*) сообщения, которое хранится в оперативной памяти в форме, близкой к резюме темы и ремы, более упрощенной, нежели сохранение в виде «слово в слово»: «Все происходит как если бы за фразой субъекты представляли значимые единицы, соответствующие неким „блокам“, более или менее разграниченным поверхностными маркерами» [Fayol 1997: 131]. Точка является тем самым поверхностным маркером, который позволяет выделить значимый блок.

Итак, во французской лингвистике можно выделить два значимых этапа (волны) раз-

вития теории парцелляции: первый этап — этап становления теории (1940—1960-е годы): были зафиксированы случаи парцелляции, введены понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллятный стиль» (*style parcellaire*), которые впоследствии уступили место другой терминологии; парцелляция связывалась с проникновением в письменный язык элементов разговорной речи, часто рассматривалась как стилистически негативный процесс. Второй этап (современный) фиксируется с начала 2000-х г. Французские исследователи проявляют активный интерес к синтаксису, морфологии, семантическим и прагматическим особенностям парцелляции. Ее происхождение связывается с риторической фигурой гипербатона, широко используемой в классической литературе. Подробно изучены безглагольные парцелляты — части простого предложения (субстантивные, адъективные, аппозитивные), обсуждаются периферийные случаи с целью выявления «таксономической границы» «добавление» / «не добавление». Парцеллят воспринимается как структура, добавленная к основной части (отсюда термины «добавление после точки» и — для обозначения основы конструкции — «принимающая часть»), а не как результат расчленения единого целого, как это трактуется в отечественной лингвистике. Наиболее важным, на наш взгляд, является разработка теории парцелляции в когнитивно-семиотическом аспекте. Точка парцелляции при таком подходе рассматривается как сигнал для читателя, говорящий о необходимости произвести определенные операции по переработке информации для понимания глобального смысла текста, для облегчения его когнитивной обработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Antoine G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. — Strasbourg, 1962. T. 2. — P. 443—451.
2. Authier-Revuz J. Du dire “en plus” : dédoublement réflexif et ajout sur la chaîne // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 147—167.
3. Badiou-Monferran C. Coordonner : (qu')est-ce (qu') ajouter ? / C. Badiou-Monferran // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 97—110.
4. Ballard M. Relations discursives et traduction. — Lille : Presses universitaires de Lille, 1995. 297 p.
5. Bar F. Le rejet en fin de la proposition de l'élément significatif // Le français moderne. 1958. № 4. P. 12—19.
6. Bordas E. Figures d'ajout. Phrase, texte, écriture, textes // Bulletin suisse de linguistique appliquée / Université de Neuchâtel. Institut de linguistique. 2005. № 81. P. 161—164.
7. Bosredon B., Tamba-Mecz I. Aux marges de la phrase écrite : analyse d'unités typographiques autonomes // L'Information Grammaticale. 2003. № 98. P. 28—38.
8. Cicurel F. Le texte et ses ornementations // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 51—64.

9. Cohen M. Encore des regards sur la langue française. — Paris, 1966. 311 p.
10. Cohen M. L'histoire d'une langue: le français. — Paris, 1973. 513 p.
11. Dauzat A. Le génie de la langue française. — Paris, 1943. 435 p.
12. Dubois J. Le néofrançais. Réalité ou illusion? // La pensée. 1961. № 96. P. 61—75.
13. Chol I. Énoncés fragmentés et systèmes ponctuels : l'exemple de Pierre Chappuis // Le Discours et la langue. — Bruxelles, 2011. № 3. P. 139—158.
14. Fayol M. Des idées au texte, psychologie cognitive de la production verbale, orale et écrite. — Paris : Presses universitaires de France, 1997. 236 p.
15. Combettes B. L'organisation du texte. — Metz : Publications de l'Université de Metz, 1992. 180 p.
16. Combettes B. De la cohérence textuelle aux règles syntaxiques : le cas des constructions détachées // Problèmes de cohésion syntaxique / J. Baudry et P. Caron (éds). — Limoges : Presses de l'Université de Limoges, 1998. P. 139—156.
17. Combettes B. Discontinuité et cohérence discursive: le cas des ajouts après le point // Cahiers de Praxématique. 2007a. № 48. P. 111—134.
18. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al., eds. — Ophrys, 2007b. P. 119—131.
19. Combettes B. Les ajouts en fin d'énoncé dans les Nouvelles Récréations et Joyeux Devis de Bonaventure des Périers // L'Information Grammaticale. 2009. № 120. P. 23—27.
20. Combettes B., Kuyumcuyan A. Les enjeux interprétatifs de la prédication averbale dans un corpus narratif : énoncés nominaux et représentation fictionnelle de processus énonciatifs et cognitifs [Electronic resource] // Discours [En ligne]. 2010a. № 6. URL: <http://discours.revues.org> (date of access: 19.02.2014).
21. Combettes B., Kuyumcuyan A. Entre macro-syntaxe et argumentation: la réfutation après le point // A Contrario. De l'antonymie à la réfutation : colloque international organisé par le laboratoire CRISCO 24—26 mars 2010. — 20106. P. 28—30.
22. Combettes B. Hyperbate et structure informationnelle : le cas des ajouts après le point // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011a. — P. 195—205.
23. Combettes B. Les ajouts après le point: phénomène de décondensation? // L'Information grammaticale. 2011b. № 130. P. 24—29.
24. Combettes B. Discursivité et structure informationnelle: le cas des «fragments» après le point // Marquage des relations de discours. ENS Lyon 29—30 octobre 2012. — Lyon, 2012a. P. 145—157.
25. Combettes B. Perspective fonctionnelle de la phrase et discursivité : le cas des «fragments après le point» // Perspective fonctionnelle de la phrase : L'apport du Cercle linguistique de Prague: colloque international. Nancy, les 24 et 25 octobre 2012. — Nancy, 2012b. P. 76—79.
26. Combettes B. Aspects diachroniques des fragments après le point : cas d'ellipse ou ajouts ? // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 223—237.
27. Gautier A. Phrase et syntaxe: sur quelques aspects de l'intégration // Langue française. 2014. № 182. P. 27—41.
28. Gautier A. La pause et l'effet : Hyperbate et segmentation graphique // L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (dir.). — Paris : PUPS, 2010b. — P. 103—116.
29. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la réaction? // Travaux de linguistique. 2010a. № 60. P. 91—107.
30. Gautier A. Unité et discontinuité: une approche épistémologique et systématique de la phrase : thèse de Doctorat. — Université Paris-Sorbonne, 2006. 438 p.
31. Georjgin R. La prose d'aujourd'hui. — Paris : Editions André Bonne, 1956. 456 p.
32. Grunig B.-N. Conflits et instabilité dans les processus de production et interprétation d'ajouts // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 79—96.
33. Havu E. Réflexions sur les segments fragmentaires dans deux types de corpus // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. — P. 65—80.
34. Havu E., Lefevre F. Les énoncés averbaux comme hyperbates // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011. P. 179—192.
35. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al. (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.
36. Kuyumcuyan A. Les séquences fragmentaires en contexte dialogal // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 143—154.
37. Lefevre F. La phrase averbale en français. — Paris : L'Harmattan, 1999. 352 p.
38. Neveu F. L'apposition : concepts, niveaux, domaines // Langue française. 2000. № 1 (125). P. 3—17.
39. Neveu F. Détacher est-ce condenser ? Un regard sur les avant-postes de l'énoncé en français // L'Information Grammaticale. 2011. № 130. P. 18—23.
40. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131—145.
41. Orlandi E. Un point, c'est tout. Interdiscours, incomplétude, textualisation // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 65—78.
42. Pétilion S. Affectation de subjectivité: le point intempestif dans une configuration infrasyntagmatique. Le cas du syntagme nominal // L'information grammaticale. 2011. № 130. P. 30—37.
43. Tuchais S. La phrase nominale dans la presse contemporaine française // Mémoire de maîtrise. — Université Paris-IV, UFR de Langue française, 1996. 210 p.

Yu. V. Bogoyavlenskaya
Ekaterinburg, Russia

THE PROBLEM OF PARCELING IN FRENCH LINGUISTICS: STAGES AND AREAS OF RESEARCH

ABSTRACT. This article is a survey of the research works of French linguists devoted to the problem of parceling. The article identifies two stages in the development of the theory of parceling: the stage of formation (40-60s of the 20th century) and the present stage (since 2000). During the first stage, parceling cases were recorded, the notions of "parcel" and "parcel style" were introduced, which later gave way to other terminology. Parceling was associated at this stage with the penetration into the written language of elements of colloquial speech, often regarded as a stylistically negative process. During the second stage, French researchers show an active interest in the syntax, morphology, semantic and pragmatic features of parceling. The most interesting are the parcels without a verb — parts of a simple sentence (substantive, adjective, appositive), peripheral cases are discussed with the aim of revealing the taxonomic boundary "addition" / "not addition". The parcel is perceived as a structure added to the main part (hence the terms "adding after the point" and for designating the basis of the construction — "receiving part"), and not as a result of the dismemberment of a single whole, as interpreted in Russian linguistics. The most significant, from the point of view of the author, is the development of the theory of parceling in the cognitive-semiotic aspect. The point of parceling with this approach is considered as a signal, saying that it is necessary to perform certain operations for processing information to understand the global meaning of the text, to facilitate its cognitive processing.

KEYWORDS: *parceling; French; French syntax; stylistics; psycholinguistics; cognitive linguistics; linguosemiotics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Antoine G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. — Strasbourg, 1962. T. 2. — P. 443—451.
2. Authier-Revuz J. Du dire “en plus” : dédoublement réflexif et ajout sur la chaîne // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 147—167.
3. Badiou-Monferran C. Coordonner : (qu')est-ce (qu') ajouter ? / C. Badiou-Monferran // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 97—110.
4. Ballard M. Relations discursives et traduction. — Lille : Presses universitaires de Lille, 1995. 297 p.
5. Bar F. Le rejet en fin de la proposition de l'élément significatif // Le français moderne. 1958. № 4. P. 12—19.
6. Bordas E. Figures d'ajout. Phrase, texte, écriture, textes // Bulletin suisse de linguistique appliquée / Université de Neuchâtel. Institut de linguistique. 2005. № 81. P. 161—164.
7. Bosredon B., Tamba-Mec I. Aux marges de la phrase écrite : analyse d'unités typographiques autonomes // L'Information Grammaticale. 2003. № 98. P. 28—38.
8. Cicurel F. Le texte et ses ornements // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 51—64.
9. Cohen M. Encore des regards sur la langue française. — Paris, 1966. 311 p.
10. Cohen M. L'histoire d'une langue: le français. — Paris, 1973. 513 p.
11. Dauzat A. Le génie de la langue française. — Paris, 1943. 435 p.
12. Dubois J. Le néofrançais. Réalité ou illusion? // La pensée. 1961. № 96. P. 61—75.
13. Chol I. Énoncés fragmentés et systèmes ponctuants : l'exemple de Pierre Chappuis // Le Discours et la langue. — Bruxelles, 2011. № 3. P. 139—158.
14. Fayol M. Des idées au texte, psychologie cognitive de la production verbale, orale et écrite. — Paris : Presses universitaires de France, 1997. 236 p.
15. Combettes B. L'organisation du texte. — Metz : Publications de l'Université de Metz, 1992. 180 p.
16. Combettes B. De la cohérence textuelle aux règles syntaxiques : le cas des constructions détachées // Problèmes de cohésion syntaxique / J. Baudry et P. Caron (éds). — Limoges : Presses de l'Université de Limoges, 1998. P. 139—156.
17. Combettes B. Discontinuité et cohérence discursive: le cas des ajouts après le point // Cahiers de Praxématique. 2007a. № 48. P. 111—134.
18. Combettes B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al., eds. — Ophrys, 2007b. P. 119—131.
19. Combettes B. Les ajouts en fin d'énoncé dans les Nouvelles Récréations et Joyeux Devis de Bonaventure des Périers // L'Information Grammaticale. 2009. № 120. P. 23—27.
20. Combettes B., Kuyumcuyan A. Les enjeux interprétatifs de la prédication averbale dans un corpus narratif : énoncés nominaux et représentation fictionnelle de processus énonciatifs et cognitifs [Electronic resource] // Discours [En ligne]. 2010a. № 6. URL: <http://discours.revues.org> (date of access: 19.02.2014).
21. Combettes B., Kuyumcuyan A. Entre macro-syntaxe et argumentation: la réfutation après le point // A Contrario. De l'antonymie à la réfutation : colloque international organisé par le laboratoire CRISCO 24—26 mars 2010. — 20106. P. 28—30.
22. Combettes B. Hyperbate et structure informationnelle : le cas des ajouts après le point // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011a. — P. 195—205.
23. Combettes B. Les ajouts après le point: phénomène de décondensation? // L'Information grammaticale. 2011b. № 130. P. 24—29.
24. Combettes B. Discursivité et structure informationnelle: le cas des «fragments» après le point // Marquage des relations de discours. ENS Lyon 29—30 octobre 2012. — Lyon, 2012a. P. 145—157.
25. Combettes B. Perspective fonctionnelle de la phrase et discursivité : le cas des «fragments après le point» // Perspective fonctionnelle de la phrase : L'apport du Cercle linguistique de Prague: colloque international. Nancy, les 24 et 25 octobre 2012. — Nancy, 2012b. P. 76—79.
26. Combettes B. Aspects diachroniques des fragments après le point : cas d'ellipse ou ajouts ? // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 223—237.
27. Gautier A. Phrase et syntaxe: sur quelques aspects de l'intégration // Langue française. 2014. № 182. P. 27—41.
28. Gautier A. La pause et l'effet : Hyperbate et segmentation graphique // L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (dir.). — Paris : PUPS, 2010b. — P. 103—116.
29. Gautier A. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la réaction? // Travaux de linguistique. 2010a. № 60. P. 91—107.
30. Gautier A. Unité et discontinuité: une approche épistémologique et systématique de la phrase : thèse de Doctorat. — Université Paris-Sorbonne, 2006. 438 p.
31. Georjgin R. La prose d'aujourd'hui. — Paris : Editions André Bonne, 1956. 456 p.
32. Grunig B.-N. Conflits et instabilité dans les processus de production et interprétation d'ajouts // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 79—96.
33. Havu E. Réflexions sur les segments fragmentaires dans deux types de corpus // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. — P. 65—80.
34. Havu E., Lefevre F. Les énoncés averbaux comme hyperbates // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). — Paris : Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011. P. 179—192.
35. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al. (éds.). — Berne : Peter Lang, 2009. P. 30—50.
36. Kuyumcuyan A. Les séquences fragmentaires en contexte dialogal // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. — Berne : Peter Lang, 2013. P. 143—154.
37. Lefevre F. La phrase averbale en français. — Paris : L'Harmattan, 1999. 352 p.
38. Neveu F. L'apposition : concepts, niveaux, domaines // Langue française. 2000. № 1 (125). P. 3—17.
39. Neveu F. Détacher est-ce condenser ? Un regard sur les avant-postes de l'énoncé en français // L'Information Grammaticale. 2011. № 130. P. 18—23.
40. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 131—145.
41. Orlandi E. Un point, c'est tout. Interdiscours, incomplétude, textualisation // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dirs). — Paris : Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. P. 65—78.
42. Pétilion S. Affectation de subjectivité: le point intempestif dans une configuration infrasyntagmatique. Le cas du syntagme nominal // L'information grammaticale. 2011. № 130. P. 30—37.
43. Tuchais S. La phrase nominale dans la presse contemporaine française // Mémoire de maîtrise. — Université Paris-IV, UFR de Langue française, 1996. 210 p.